

Сергей Кудряшов

192

Пусть все спотыкаются

* * *

– Что вы пишете, прозаик? – О сложнейшей из мозаик. – Вам за это деньги платят? – Ну не так чтобы, но хватит. – А у бедного поэта десять дней уже диета, мне б занять у беллетриста сотен двести или триста. Что вы слышите, прозаик? – В каждом ухе сотня баек. – То есть двести... Если байке каждой дать по балалайке, то от этого оркестра в голове не будет места. А у бедного поэта только жизнь и смерть, и «это». Чем вы дышите, прозаик? Интересно для народа. – Ароматом кофе, саек и азота-кислорода. Безобидно для здоровья. Если «это» под вопросом, утром – молоко коровье. – А поэты дышат носом. Ах, прозаик, мы как дети. Зажигаем сигарету, а вдыхаем дым столетий. Есть куда деваться? Нету. Буду рад любому шансу. Нет курению! По праву это – вроде реверанса вездесущему Минздраву. Что вы ищете, прозаик? Перетёрты все сюжеты. Что-нибудь из жизни заек? Так поддёрнем же манжеты! Здравствуй, зайка. Ты готова лечь пластом в основу книги? Вечно ново, брат, и снова в голове одни интриги! Отдыхая, вы, прозаик, собираете цветочки на нежнейшей из лужаек? Спите мордою в песочке? (То и дело рукоделья я утрачиваю нить, и от эфтава безделья не домой мене идтить. И не в кассу за деньгами, и не в рощу за пеньками, и не в стойло за кобылкой, и не в лавку за бутылкой, не к юристу за советом, не к электрику за светом и не к суженой под мышку, в ящик разве что, под крышку. Иди куды хошь.)

Сергей Кудряшов родился (1964) в Казани.
Служил в армии. Работал кочегаром, художником-оформителем,
криминалистом. Автор двух поэтических сборников.
Живёт и работает в Верхнем Услоне

* * *

обуваю старые кроссовки вообще отношусь к жизни проще предпочитая интеллектуальной тусовке недожаренный шашлык в роще

* * *

...на изменения в пейзаже с опаской глядя из угла, осталось ждать, как карта ляжет? И вот она уже легла. И изумлённая столица вокруг зелёного стола толпится. Ба! Всё те же лица, а за окном всё та же мгла. Там зазывалы бубенцами гремят у входа в шапито: мартышки! клоуны с борцами! медведи с дудками! И то – как много прибыли холопу их наблюдать любой момент. Гуляй! Подобный цирк в Европе доступен только на уикенд. А та несчастная актриса, чей был объявлен бенефис, припав к настойке из аниса, глядит с тоской из-за кулис. Её усталость и сутулость не объяснить веками сна. Проснись, красавица! Проснулась. Но боже, как она грустна...

в провинциальном городке тишина. По улице, камни моющей в реке, важно ходит курица. Три недели не звучит духовая музыка, и корова не мычит, и не слышно Тузика. Мостовую не дробят лошади копытами, и мордашки у ребят выглядят невымытыми. Куст герани на окне, молоко с малиною, эта жизнь, сдаётся мне, будет очень длиною. В дверь царапалась всю ночь Глаша. Были гордыми. И сумели превозмочь. И остались твёрдыми. Долго было не до сна, ну и дьявол с Глашею. Чёрт, как пахла бузина подгоревшей кашею. А недели три назад била жизнь фонтанами. Был украшен променад пьяными буянами. Исцарапан был паркет в каждом доме шпорами. И поверженный букет. И возня за шторами. И играла дотемна духовая музыка, это, видимо, она доконала Тузика. Но не зря у стариков головы качаются, ох не зря спокон веков праздники кончаются. Вон скотину пастушок собирает дудочкой. Выйти, что ль, на бережок с самодельной удочкой. Да уж, что ни говори, перемены временны. Удивительно, все три горничных беременны.

* * *

нелётный серый день и серенький пейзаж который не обнять крылом аэроплана испытывая лень графитный карандаш привычен обтекать картины такого плана чем вызван этот трюк тяжёлой головой мельканием полос на зебре перехода семь вёрст тебе на крюк по мокрой мостовой для бешеных колёс и псов того же рода воздвигнем сей вердикт как уникальный прут для умных обезьян в тени гашишной будки по счастью наш реликт и даром не сопрут пока мы мнём бурьян понюхать незабудки и время не стоит обросшее по дну ракушечником от и до латунных ручек под ним унылый гид твердит всегда одну из множества острот о мести самоучек но радостен процесс ничтожный результат не в силах отменить горенья керосинки покуда давит пресс покуда мнёт прокат он может осушить две маковых слезинки сам бог ему судья и мастер карате заносчивая знать и жгучая обида фанерная ладя в весёлом варьете как способ обтекать картины такого вида.

* * *

до утра лежишь и ждёшь. В рюкзаке крючки, напильник, термос, кофе, финский нож. В три часа гремит будильник. Время! Плоть его туга, ну а ты тут рыхлой кучей ...та, чья на тебе нога, сонно шепчет: «Потрох сучий...» Повернись на правый бок, дорогая. Утро зыбко. Жизнь – запутанный клубок. Я тебе поймаю рыбку. «Золотую...» Спи же, спи. Мужики садятся в «Ниву»: «Николаич! Пи!.. пи!.. пи!» Золотую. Рыбку. К пиву.

* * *

но за этой сплошной завесой дождя ничего не видать нам грести и грести говори негодяй сколько жён у вождя говорит двадцать пять младшей нет десяти аллии го ахть маа что за чёртов язык аллигаторов тьма намекает мужик а под кровлей вождя назревает скандал и разорван пиджак что оставил турист и слуга умыкнул трёхведёрный мангал потому что паршивец на руку нечист колдуны смущены и стоят под дождём а у каждой жены свои счёты с вождём у вождя на скуле расцветает синяк а затем с опозданием разносится звук аллии говоришь поверни свой каяк вон туда где стучат мой догадливый друг этот звучный шлепок будет лучший маяк что конечно пирога прости за каяк пристаём что же видим по мокрой траве жёны дружно таскают вождя за башлык этот гордый король без руля в голове из любимой свиньи забубенил шашлык словом тот ещё гусь мы живём здесь три дня хорошо что ты люсь далеко от меня потому что здесь люся полно комаров а когда мы выходим в рассветную мглу нас встречает один из природных даров аллигаторы люся на каждом углу так и хочется люся им что-нибудь дать от природы боюсь больше нечего ждать как уже говорилось полно комаров я лежу на циновке и глядя во мглу вспоминаю как этот чудак комаров поджидал тебя люська на каждом углу будто время бочком возвращается вспять ну зачем он потом перестал тебя ждать оттого ли что люди с годами мудрей оттого ли что в джунглях растят анашу но на лбу тебе люся не хватит угрей чтоб понять почему я домой не спешу с криком люська здорово нисколько не злюсь только честное слово я остаюсь.

* * *

по приказу Кира персы сложили костёр, и Крёз – даром, что был на язык остёр, на него безмолвно влез. Кир, устроившись поудобней, глядя, как занимаются брёвна, хмыкнул в надушенную бороду: гори, жаровня. Да уж, много чего было разрушено, много чего горело. Из окна то и дело вываливалось какое-нибудь тело, следом показывалась деловитая мидийская рожа. Кир, скучая, думал: и здесь всё то же. И этот, считавший, что олимпийцам ровня, обратится в пепел. Давай, жаровня. Давай посмотрим, к кому в итоге возопит несчастный, прося подмоги. Но Крёз, переступая босыми ногами, явно пренебрегал богами. Глядя, как под ним разгорается ливанский кедр из обивки салона (пиния, срубленная в мухосранске), Крёз

вспоминал слова Солона. Царство, салон всё пошло на слом! Жизнь сама! О, Солон, Солон! Кир пригорюнился: вот и верь в человека, если он вместо бога призывает какого-то грека. Мог бы воззвать к Астарте или там к Аполлону. Аполлон не дал бы случиться такому облому. Кстати, льстецам на строгий анализ: разбежались бы персы или не разбежались от молнии? После. Ко мне человечка, пока он не вспыхнул, как сальная свечка! Ну, говори, что ты там в самом деле? Разговаривать – это персы умели. Тот, выдыхая остатки дыма, начал так: всё есть дым, вестимо... марево, стал-оть, обман для рук... словом, внимай, мой персидский друг, и понимай: раз не замкнут круг, зубы ещё не сжимают навлон, счастье – мираж, так сказал Солон. Вот как, мираж? Ну, допустим, не густо, грек-то сказал. Тоже мне, Заратуштра. Кир встал, запахнулся. Ах, жизнь ты, сестра. Крёза одеть. Ну не вышло костра.

* * *

счастлив древний грек панасий он с женою жил в согласье подстригал у дома травку сыновьям оставил лавку дело данное богами дочек с длинными ногами выдал замуж видел внуков и под рёв военных звуков в полном снаряжении пал в большом сражении за отчизну мирный быт похоронен и забыт где-то в глинах аттики на краю галактики

* * *

...и двадцать раз, и тридцать раз, и сорок я чувствовал, прислушавшись к себе: биение в груди сердечных створок заметно учащалось при ходьбе. Загадочного много в человеке, не чуждом человеческому, но зачем, когда прищуриваешь веки, немедленно становится темно? Зачем, когда вкушаешь *dolce vita*, во всей, как говорится, полноте, у самого небесного кwirита ворчанье раздаётся в животе? Зачем?.. Я, между прочим, не философ. Зачем он мне, неназванный билет, где к тысяче незаданных вопросов находится непрошенный ответ...

* * *

на окошке возле ручки потирает муха ручки. У неё забита стрелка. Часовая медлит стрелка, донимая муху «тиком». Глаз у мухи с нервным тиком. Ей скучны вопросы пола сантиметрах в трёх от пола, митинг возле блюдца с чаем... Угодить мы ей не чаем. Эта муха, жу-жу-жу, карбонарий, я гляжу! Нам такое не по средствам, прибегаем к крайним средствам. Звук от фирменной хлопушки будто кто пальнул из пушки. Он над «i» поставит точку, а в мятежной жизни точку.